

§8 НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Рубин В.А.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОХРАНЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

***Аннотация.** Объектом исследования является отечественное военно-мемориальное наследие. Предметом исследования является историография истории возникновения, строительства и сохранения военно-исторических объектов в советское и постсоветское время на территории регионов Южного Урала. В данной статье впервые предпринята попытка обобщения южноуральской историографии проблемы сохранения российского военно-исторического наследия в советское и постсоветское время. Автор, сравнивая выявленные научные и иные работы двух периодов, отличающихся методологическими подходами и тематикой исследований, приходит к выводу об отсутствии глубоких комплексных исследований указанной проблемы историко-культурологического характера на региональном уровне. Основные принципы исследования – принципы историзма и объективности. Методы, использованные в исследовании: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, системно-структурный. Основными выводами проведенного исследования является то, что постсоветская историография сохранения отечественного военно-исторического наследия отличается от советской тем, что к исследованиям подключились кадры профессиональных историков. Международные обязательства приводили к тому, что многие архивные документы были рассекречены. Данный факт позволял уточнить количество воинских кладбищ и захоронений. Особенностью постсоветской историографии становится активная публикация статей профессиональных историков в периодической печати. Сравнивая полученные результаты, необходимо отметить, что в исторических трудах совет-*

ской и постсоветской эпох на региональном уровне отсутствуют глубокие комплексные исследования указанной проблемы историко-культурологического характера. Трудности данных исследований связаны с тем, что архивные фонды не формировали и не формируют системных данных о строительстве и реконструкциях военно-мемориальных сооружений. Методология будущих исследований военно-мемориальной среды носит междисциплинарный характер и в основе своей должна содержать разработку «систем», необходимых для научного анализа (научно-справочных, производственно-практических, научно-популярных и иных прикладных изданий).

Ключевые слова: культурное наследие, военно-историческое наследие, историческая память, историография, сохранение, мемориал, Южный Урал, памятник, военная история, культурная политика.

Abstract. The object of this research is the Russian military-memorial heritage, while the subjects is the historiography of the history of emergence, construction, and preservation of the military-historical objects during Soviet and post-Soviet time in the regions of Southern Ural. This article is first to attempt to generalize the Southern Ural historiography of the problem of preservation of the Russian military-historical heritage during the Soviet and post-Soviet time. Comparing the determined scientific and other types of works of the two periods that differ in methodological approaches and topic of the study, the author makes a conclusion on the absence of the in-depth complex research of historical-culturological character on the regional level. The article underlines that the post-Soviet historiography of preservation of the Russian military-historical heritage differs from the Soviet by the involvement of the professional historians. The international obligations resulted in declassification of multiple archive documents, which allowed ascertaining the amount of military cemeteries and burial grounds. Methodology of the further research regarding the military-memorial environment carries an interdisciplinary character and should be based on development of the “systems” necessary for the scientific analysis.

Key words: memorial, preservation, historiography, historical memory, military-historical heritage, cultural heritage, Southern Ural, monument, military history, cultural policy.

Повседневная реальность полна драматических и конфликтных ситуаций, угрожающих порой физическому существованию памятников истории и культуры. Покушение на них происходит со стороны террористических и неонацистских организаций. Поэтому Российская Федерация, имеющая богатую военную историю, обязана проявить заботу и повысить уровень охраны памятников, прежде всего, военно-исторического наследия от всяческих посягательств. Научные исследования по данной проблематике в связи с этим являются актуальными.

Настоящая статья посвящена анализу трудов по вопросам сохранения памяти, самих мест памяти о погибших (воинских захоронений, мемориальных сооружений) военнослужащих периода Первой мировой войны 1914–1918 гг., Гражданской войны, советских воинов и иностранных военнопленных Великой Отечественной войны, увековечения погибших в локаль-

ных конфликтах советского и постсоветского времени. Территориальные рамки исследования охватывают Южноуральский регион, включающий современные Оренбургскую, Челябинскую, Курганскую области и Республику Башкортостан). Кроме того, руководствуясь научной обусловленностью, автор обращается к трудам исследователей, в которых южноуральская тематика фигурирует в рамках исследования мест памяти страны в целом, Уральского региона.

В южноуральской региональной историографии условно выделяются два периода: советский (1960-е – начало 1990-х гг.) и постсоветский (1990-е гг. – до наших дней). Каждый из выделенных периодов отличается как методологическими подходами, так и тематикой исследований.

Особенностью работ, вышедших в советский период, является их классовая заостренность, пропагандистский характер. Для анализа проблемы мы использовали научные публикации, материалы, публиковавшиеся в органе отдела

пропаганды и агитации Оренбургского обкома КПСС «Блокнот агитатора». Архивные данные и периодические издания привлекаются автором для более глубокого понимания историографии проблемы.

В органе отдела пропаганды и агитации Оренбургского обкома КПСС «Блокнот агитатора» регулярно публиковались материалы, посвященные сохранению памяти о земляках, погибших в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Так, одну из первых публикаций обнаруживаем в выпуске 1966 г., где приведено сообщение о почине комсомольцев Новотроицка [11, с. 17 – 18]: «В память о событиях лета 1918 г., когда войска Дутова уничтожили броневик под командованием командира Красного 28-го Уральского полка Филиппа Подзорова, комсомольцы по проекту художника-любителя Григория Настича соорудили памятник в виде макета броневика».

Следующая статья, вышедшая в том же 1966 г. озаглавлена «Стоит памятник в Сорочинске» [40, с. 49 – 50]. В ней идет речь об увековечении памяти современного героя – воина-пограничника Александра Сидоровнина, павшего в апреле 1959 г. на границе в схватке с нарушителем. В 1965 г. в Сорочинск, на родину героя, приехали пограничники и установили памятник, созданный скульптором-пограничником А. Вербой. Памятный знак выполнен в виде пограничного столба с горельефным портретом А. Сидоровнина.

Обращает на себя внимание тот факт, что в «Блокноте агитатора» регулярно сообщалось о состоянии оренбургской «ленинианы», например, об авторе памятника В. И. Ленину Вениамине Пинчуке [1, с. 41 – 42], об имени Ленина на карте Оренбуржья [34, с. 25; 35, с. 22 – 23] и др. В целом, военно-историческое наследие освещается в ракурсе строительства и сохранения иных мемориальных сооружений, посвященных В.И.Ленину, заслуженным жителям региона, отличившимся на трудовом поприще, общественным деятелям и др.

Помимо указанных мероприятий, первичные организации общества охраны памятников области вели большую поисковую работу. В частности, в г.Бузулуке сведения выявлялись для

установки и восстановления мемориальных досок на зданиях, связанных с именами художника Ф.А.Малявина, литератора Георгия Венуса, писателя А.С.Неверова, маршала Советского Союза А.И.Егорова. В с. Шарлыке был подготовлен материал о жизнедеятельности Героя СССР, поэта Мусы Джалиля. В г.Бугуруслане члены общества уточнили место расположения штаба дивизии Г.Д.Гая в своем городе в период Гражданской войны. Подобная работа велась повсеместно [36, с. 26]. Следовательно, формировалась теоретическая основа для проведения работы по увековечению исторической памяти.

Обобщающая картина деятельности городского отделения общества охраны памятников (г. Оренбург) представлена в статье ответственного секретаря данной организации В.Садовниковой [28, с. 47 – 49]. Автор отчитывается о включении во Всероссийский смотр памятников истории советского общества, объявленный в связи с 50-летием образования СССР. И такого рода статей выявлено достаточно много. Обобщить их целесообразно выводом о том, что авторами работ выступали партийные работники, пропагандисты и агитаторы, основными темами – смотры, недели, месячники по сохранению памятных мест и сооружений.

Среди новых форм работы в публикациях освещались привлечение аудиовизуальных средств, а именно создание цветных кино- и диафильмов «125 лет Караван-Сараю», «Архитектурные памятники г. Оренбурга»; установка бюстов и памятников образовательными учреждениями (школа № 25 открыла бюст Олегу Кошевому, школа № 62 – Ю.А.Гагарину).

Для понимания процессов реализации политики сохранения исторической памяти и ее отражения в трудах региональных исследователей, обратимся к архивным источникам. Так, на втором пленуме обкома ВЛКСМ, проходившем в том же 1965 г., обсуждался вопрос о работе комсомольских организаций [46, л. 134]. Среди многих пунктов постановления пленума, присутствовали и следующие: «4. д) над каждым памятником, историческим местом должна шефствовать комсомольская или пионерская организация. Все памятники и памятные места привести в хорошее состояние, озеленить, вы-

садить цветы; е) у памятников, памятных мест проводить пионерские линейки, встречи участников революции, свидетелей событий, вручать пионерские галстуки, комсомольские билеты, советские паспорта, митинги и манифестации молодежи в памятные даты; ж) вместе с исполкомами Советов депутатов трудящихся рассмотреть вопросы об установлении мемориальных досок, обелисков» [46, л. 137].

Следовательно, памятные места рассматривались как важные механизмы патриотического и идеологического воспитания. Необходимо отметить, что партийной пропагандой задавался определенный вектор и тематика публикаций по проблеме сохранения военно-исторического наследия, который напрямую зависел от культурной политики в данной сфере. И это, прежде всего, шефство над памятниками, состояние памятного места, общегородские и районные мероприятия, направленные на передачу знаний о военной истории, увековечение неизвестных героев.

В материале, подготовленном пропагандистом обкома КПСС А.Сливой давался обзор опыта воспитательной работы [36, с. 21 – 26]. Автор указывал на то, что в Оренбуржье насчитывается около 900 памятных мест, действует 875 первичных организаций охраны памятников, созданные на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях.

Кроме того, А. Слива пишет о том, какая работа велась у памятников, братских могил героев Гражданской войны, обелисков героям-землякам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Особо указывалось на то, что над всеми памятниками установлено шефство. В апреле 1970 г. у памятников Марии Корецкой, «Вечно живым», Ф.П.Подзорову были проведены театрализованные представления, посвященные борцам за советскую власть. Останавливается автор статьи на работе вокруг памятных мест, которая велась в школах области. По инициативе учащихся в области установлено 70 памятников и обелисков. В целом, сохранение и строительство монументов как фактор воспитательной работы с молодым поколением выступали одними из важнейших тем публикаций советской эпохи.

Необходимо отметить важную деталь в указанной статье. При реконструкции братской мо-

гилы красногвардейцев, погибших во время набега дутовцев на город в ночь на 4 апреля 1918 г., активисты общества Д.А.Агарков и Г.И.Клесов, работая над архивными документами, выявили имена 95 красногвардейцев из 130. Автор указывает на особенности в сохранении военно-мемориального наследия: во-первых, материал для увековечения изыскивался при активном участии общественности и, во-вторых, проводилась обширная архивная и поисковая работа.

В советский период издавались брошюры, посвященные памятникам и памятным местам области. Так, в 1978 г. Новотроицким городским отделением общества охраны памятников истории и культуры была издана памятка «Памятники – наше прошлое и будущее» [5], в 1982 г. Оренбургское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) выпустило брошюру, посвященную описанию работы первичной организации Оренбургского сельскохозяйственного института [26].

Преподаватель Оренбургского пединститута, кандидат исторических наук С.Кирбятъев в 1972 г. в «Блокноте агитатора» поместил развернутую статью, посвященную обзору деятельности указанного общества в свете решений Учредительного съезда ВООПИК [14, с. 35 – 44].

Кирбятъев С. в соответствии с «Положением об охране памятников культуры», которое являлось приложением к постановлению Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», указывает на следующие объекты, подлежащие государственной охране: 1) исторические памятники – сооружения и места, связанные с ... Гражданской и Великой Отечественной войнами, памятники мемориального значения, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся государственных и политических деятелей, народных героев ... их могилы...; 2) памятники архитектуры – гражданские и культурные здания, кремли, крепости, усадьбы, парки, руины и остатки древних архитектурных сооружений, триумфальные арки и др.; 3) памятники искусства. По мнению автора, военно-историческое наследие занимало одно из ключевых мест в общей структуре наследия.

Что интересно, автор не обошел вниманием проблемы, существовавшие в деле охраны памятных мест: Менового двора, Караван-Сарая, памятника красногвардейцам, погибшим во время набега белоказаков на Оренбург 4 апреля 1918 г. В частности, не смотря на настойчивые рекомендации сохранить хотя бы остатки Менового двора (на это указывал А.В.Луначарский при посещении в 1929 г. Оренбуржья), от комплекса не осталось ни следа [14, с. 41].

Помимо общих вопросов охраны памятников, патриотического воспитания, региональные исследования освещали проблемы военного плена двух мировых войн. Тема военного плена либо прямо, но в большей степени опосредованно, затрагивала вопросы воинских захоронений, будь то иностранные военнопленные, либо соотечественники.

Проблема иностранных военнопленных периода Первой мировой войны рассматривается в трудах профессора, доктора исторических наук В.Ананьева [2, 52 с.; 3, 128 с.; 4, с. 34 – 43]. В его работах упоминается о том, что после подписания Брестского мирного договора в Советской республике возобновили работу германское и австро-венгерское посольства и консульства. В традициях советской историографии автор обвинил данные комиссии в шпионаже, распространении контрреволюционной литературы среди военнопленных.

Ананьев В. пишет о том, что работники отделений австро-венгерского и германского Советов в Оренбурге знакомились с организацией питания, бытом и санитарными условиями находившихся в лагерях людей. В работе прямо не указывается на смертность среди военнопленных, но говорится о том, что работники президиума Совета участвовали в выявлении больных пленных с целью оказания им необходимой помощи. Так, 14 марта 1919 г., при ликвидации лагеря иностранных военнопленных в Меновом дворе, в местный госпиталь было определено 27 человек [4, с. 40].

Следовательно, в советское время вопросы сохранения памяти освещались, в первую очередь, органами пропаганды и агитации. Исследования ученых косвенно затрагивали процессы сохранения военно-мемориального наследия (проблема

военного плена). В целом, военно-историческое наследие освещается в ракурсе сохранения мемориальных сооружений, посвященных В.И. Ленину, военнослужащим, погибшим в мирное время, заслуженным гражданам, отличившимся на трудовом поприще, общественным деятелям. Основными темами публикаций выступают недели и месячники по сохранению памятных сооружений, связанных с событиями Гражданской и Великой Отечественной войн.

Партийной пропагандой задавался определенный вектор и тематика публикаций по проблеме сохранения военно-исторического наследия, который напрямую зависел от культурной политики в данной сфере. И это, прежде всего, шефство над памятниками, состояние памятного места, общегородские и районные мероприятия, направленные на передачу знаний о военной истории, увековечение неизвестных героев, как перспектива развития сферы сохранения исторической памяти. Крупные общественно-значимые мероприятия проводились возле обелисков, памятных знаков и других памятных мест и сооружений, чем обеспечивалась преемственность при сохранении исторической памяти.

К важным особенностям в сохранении военно-мемориального наследия необходимо отнести следующие: во-первых, материал для увековечения изыскивался при активном участии общественных, государственных и партийных структур и, во-вторых, проводилась серьезная архивная и поисковая работа. Активно формировалась теоретическая основа для проведения работы по увековечению исторической памяти. Военно-историческое наследие занимало одно из ключевых мест в общей структуре наследия. Во многом это было связано с победой большевиков в Гражданской и советского народа в Великой Отечественной войнах. Информации о сохранении досоветских мемориалов не выявлено.

Постсоветская региональная историография поднимает как «старые» темы – те же проблемы сохранения и охраны военно-мемориального наследия, но уже основываясь на новых методологических принципах, так и открывает новые проблемы, новую тематику.

Современная региональная историография военного плена, пребывания иностранных воен-

ноплённых Второй мировой войны, мест их захоронений, представлена именами таких исследователей, как В.П.Мотревич, А.С.Смыкалин, Е.Рожкова и др. Так, с именем В.П.Мотревича связаны первые серьезные научные разработки по проблеме иностранных военнопленных на Среднем и Южном Урале [21, с. 98 – 99.; 23, с. 210 – 212.; 22, с. 86 – 88.; 24, с. 469 – 471.].

Доктор исторических наук, профессор В.П.Мотревич в своей работе «Благоустройство мест захоронения военнопленных и интернированных на Урале в 1995 – 2009 гг.» приводит уточненные данные числа военнопленных, находившихся в целом в СССР и в том числе на Урале, а также количество умерших из этого контингента с 1944 по 1949 гг. Уточнено число кладбищ и захоронений иностранных военнопленных.

Автор останавливается на причинах, которые затрудняют идентификацию мест захоронений [19, с. 193 – 201.]. Мотревич В.П. отмечает, что на протяжении 1950 – 1980-х гг. статус иностранных воинских захоронений на территории СССР был достаточно неопределенным. Активизацию работы в данном направлении ученый связывает с созданием особой структуры – ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы».

По данным автора, на территории Урала благоустройство кладбищ данного типа началось в 1995 г. По подсчетам автора, в настоящее время на территории Удмуртии, Курганской, Оренбургской, Свердловской, Челябинской областей и Пермского края Федеративная республика Германия благоустроила 21 кладбище военнопленных Второй мировой войны, Венгерская республика благоустроила 18 кладбищ и установила 60 памятных знаков, 5 памятных знаков установлены Итальянской республикой, 2 – Японией, 1 – Финляндской республикой.

В 1990-е гг. вышли работы А.С.Смыкалина, посвященные региональной проблематике на основе недоступных ранее архивов [39, с. 117 – 123; 37, 368 с.; 38, с.84 – 91.], проблему пребывания иностранных военнопленных на территории Чкаловской области затронула А.В.Федорова [44, 216 с.; 43, с. 43 – 56; 42, с. 64 – 67.].

Объектом исследования диссертационной работы Е.К.Рожковой выступили иностранные

военнопленные в СССР периода Второй мировой войны и их пребывание на Южном Урале [27, 26 с.]. На территории данного региона в 1943 – 1950 гг. находилось 9 лагерей, 5 отдельных рабочих батальонов и 9 спецгоспиталей для военнопленных, через которые прошли свыше 100 тысяч вражеских солдат и офицеров. Что касается сохранности кладбищ, то она оценивается как очень низкая. В свое время все они сдавались под надзор местных властей и не подлежали использованию под посевные площади или застройки в течение 20 – 25 лет. Но, как указано в работе, данное положение регулярно нарушалось. Комплексные проверки состояния кладбищ уже в 50-е гг. XX в. выявили, что большинство из них находятся в запущенном состоянии, а некоторые исчезли вообще.

Выводы Е.К.Рожковой в значительной степени подтвердились – об этом можно судить по новейшей работе В.П.Мотревича [20, с. 177 – 183.]. Автор подтверждает данные Е.К.Рожковой о том, что на протяжении послевоенных лет, а часть в 1960 – 1970-е гг. многие кладбища военнопленных и интернированных находились на балансе местных Советов и под надзором органов МВД.

Ученый делит воинские захоронения на шесть основных типов: плановые захоронения (братские или одиночные захоронения), санитарные захоронения, боевые захоронения, временные захоронения, мемориальные захоронения и перезахоронения. Иностранные воинские захоронения отнесены автором к первому типу. По составу погребенных иностранные воинские кладбища, указывает В.П.Мотревич, интернациональные. Вместе захоронены австрийцы, венгры, итальянцы, немцы, поляки, румыны, словаки, финны, французы и представители других европейских народов. Проведенное в 1990-е гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории областей Уральского региона показало, что $\frac{3}{4}$ кладбищ в той или иной степени сохранились.

В 2004 г. была защищена диссертация Н.Н.Машковой «Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914 – 1917 гг.)» [17, 178 с.], один из параграфов которой затрагивает тему использо-

вания труда военнопленных на территории региона. Автор приводит данные о том, что в 1915 г. число военнопленных в Оренбуржье достигло 13725 человек, а к весне 1916 г. их количество значительно увеличилось. Весной 1916 г. среди пленнх были зарегистрированы случаи эпидемии тифа, дифтерии и оспы со смертельным исходом [17, с. 122.].

Великороднова А.В. занята исследованием системы отбывания наказания на Южном Урале после революции 1917 г. [9, с. 96 – 102.]. Автор приводит сведения о наличии в Оренбургской губернии концентрационного лагеря в городе Илецкая Защита, на территории Башкирии действовал Уфимский концентрационный лагерь. Переполненность тюрем, плохие санитарные условия вели к болезням и эпидемиям. Автор прямо не говорит о захоронениях, которых не могло не быть, но впервые введенные в научный оборот архивные материалы могут в дальнейшем осветить и эту тему.

К проблеме иностранных военнопленных на начальном этапе Первой мировой войны в постсоветский период обратился В.Г.Семенов, который, совместно с И.Р.Ягудиным, провел исследовательскую работу по проблеме военного плена на Южном Урале [31, с. 91 – 110.]. В работе приведены сведения о том, что в годы Первой мировой войны на территории округа находилось 285 376 военнопленных, в том числе в Тоцком лагере (ныне Оренбургской области) свыше 30 тысяч солдат и офицеров. Авторы подробно останавливаются на организации содержания пленнх, отмечают и случаи сыпного тифа, кишечно-желудочных заболеваний [31, с. 105].

В работе Э.С.Идрисовой [13, с. 259 – 271] указано на то, что трудности с содержанием военнопленных, в первую очередь, были связаны с их количеством, постоянно возрастающим, к чему не были готовы тыловые губернии. В короткие сроки приходилось решать проблемы, связанные с размещением пленнх в регионе, это приводило к тому, что установленный порядок содержания не соответствовал принятым нормам. Кроме того, Э.С.Идрисова связывает проблему содержания пленнх с тем, что в 1915 г. в городских бараках Оренбурга вспыхнула холера [13, с. 263.]. В работе говорится о том, что в

1916 г. вспышка сыпного тифа привела к гибели 17 000 человек [13, с. 265.].

Базируясь на новых подходах к рассмотрению темы увековечения революционного прошлого, в том числе и средствами монументальной скульптуры, мемориалов, охраны и сохранения памятных мест, подошла Т.И.Тугай [41, с. 46 – 52.]. Автор выбрал период истории Оренбурга 1920 – 1930-х гг., так как эти годы привнесли значительные изменения в исторический облик провинциального города, начали воплощаться в жизнь ленинские декреты о новой монументальной культуре. По данным автора, первый обелиск революции в Оренбурге появился в 1920 г. 1 мая на 18 разъезде состоялось открытие памятника павшим красноармейцам при стечении большого числа «окрестных крестьян». Также автор указывает на такую подробность: в 1931 г. в парке им. Ленина был открыт монумент красногвардейцам, павшим в 1918 – 1919 гг., и здесь в ход пошел памятник прокурору Евсееву, убитому в 1906 г. [41, с. 47.]. Следовательно, новые памятники устанавливались параллельно с ликвидацией старых.

Исследователь Е.А.Сипакова опубликовала ряд статей, посвященных иностранным военнопленным на Южном Урале [33, с. 71.; 32, с. 104 – 107.]. В работах автора прослеживается вывод о гуманном отношении к солдатам и офицерам вражеской армии в лагерях СССР. Этот довод подтверждают данные статистики. Так, подчеркивает автор, в лагерях Советского Союза из 2,5 млн. немецких военнопленных погибло около 550 тысяч человек, а в лагерях Германии из 5,7 млн. человек погибло 3,5 млн. советских военнопленных.

Значительное число публикаций как профессиональных историков, так и краеведов и журналистов в 2007 – 2013 годах можно встретить в материалах периодической печати. Как правило, основная тема данных изданий – международное военно-мемориальное сотрудничество, направленное на сохранение иностранных воинских захоронений. В них в частности, можно почерпнуть сведения о визитах делегации поляков во главе с Чрезвычайными и Полномочными послами Польской республики в России Ежи Баром, Войцехом Зайончковски в Бузулук, где в

годы войны была сформирована польская армия генерала Андерса; визите представителей Либерецкого края Чешской Республики с целью возложения венков к мемориальным захоронениям чехословацких и советских воинов, посещение мест, связанных с пребыванием в Бузулуке чехословацкой армии и других международных визитах [25, с.3; 29, с. 3; 8, с.1–2; 30, с. 2; 45, с. 4; 16, с. 15; 6, с. 10; 7, с. 1, 3].

На наш взгляд, сохранение памяти о репрессированных это тоже часть работы по сохранению военно-мемориального наследия, поскольку в братских могилах без вины убиенных лежит не мало военнослужащих. Михайлов А. в своей работе поднимает проблему репрессий в 1937 – 1938 гг. в г. Оренбурге [18, с. 78 – 79.]. По данным автора, основанным на данных УКГБ по Оренбургской области, в исследуемый период репрессивным мерам подверглись около 12 тысяч человек. Герасименко Л.С. в своей статье подробно останавливается на фактах биографии наиболее известных репрессированных, занимавших ответственные партийные, хозяйственные и военные посты [10, с. 48 – 50.]. Дубинина Е. посвятила свою работу исследованию сталинских репрессий в г. Бузулуке [12, с. 38 – 41.]. Автор выявила места тюрем и изоляторов – так, здание НКВД со своим следственным изолятором располагалось по ул. Чапаева, 70. В одном из зданий женского монастыря была оборудована пересыльная тюрьма. Одновременно она могла содержать до 400 человек. Автор прослеживает судьбы репрессированных – маршала А.И.Егорова и других известных военнослужащих и не только. В 2010 г. в Оренбурге была издана Книга памяти жертв политических репрессий [15, 360 с.], подготовленная научными сотрудниками Музея истории Оренбурга. По фамильные списки расстрелянных приведены в Книге памяти жертв политических репрессий Оренбуржья, и в память об этой трагедии в 1993 г. был сооружен памятный знак. В целом отметим, что публикуемые работы содержат рекомендации о необходимости увековечения массовых захоронений.

Таким образом, постсоветская историография сохранения отечественного военно-исторического наследия отличается от советской

тем, что к исследованиям подключились кадры профессиональных историков: В.П.Мотревич, А.В.Федорова, А.С.Смыкалин, Е.К.Рожкова, В.Г.Семенов, которые пришли на смену партийной пропаганде.

Международные обязательства приводили к тому, что многие архивные документы были рассекречены. Данный факт позволял уточнить количество воинских кладбищ и захоронений. Отдельные аспекты проблемы увековечения исторической памяти становятся предметом исследования В.П.Мотревича и Е.К.Рожковой. В них уделяется внимание иностранным воинским захоронениям. Исследованию развития военно-мемориальной среды посвящена работа Т.И.Тугай.

Косвенно тема военно-мемориального наследия затрагивается в работах А. Михайлова, Н.Н.Машковой, А.В.Великородновой, Э.С. Идрисовой, Е. Дубинина, Е.А.Сипаковой, Герасименко Л.С. при изучении таких вопросов как использование труда военнопленных Первой и Второй мировых войн, репрессивной политики государства в 1930 – 1950-е гг., системы отбывания наказания, смертности заключенных и других.

Особенностью постсоветской историографии становится активная публикация статей профессиональных историков в периодической печати (например, С.В. Кольчева). Основная тема данных изданий – это сохранение иностранных воинских захоронений.

Сравнивая полученные результаты, необходимо отметить, что в исторических трудах советской и постсоветской эпох на региональном уровне отсутствуют глубокие комплексные исследования указанной проблемы историко-культурологического характера. Трудности данных исследований связаны с тем, что архивные фонды не формировали и не формируют системных данных о строительстве и реконструкциях военно-мемориальных сооружений. Методология будущих исследований военно-мемориальной среды носит междисциплинарный характер и в основе своей должна содержать разработку «систем», необходимых для научного анализа (научно-справочных, производственно-практических, научно-популярных и иных прикладных изданий).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Автор памятника – Вениамин Пинчук // Блокнот агитатора. Оренбург, 1969. № 2. С. 41-42.
2. Ананьев В. И. Оренбургский военно-революционный комитет. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1959. 52 с.
3. Ананьев В. И. В борьбе рожденное братство. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. 128 с.
4. Ананьев В. И. Иностранцы Советов в Оренбурге // Блокнот агитатора. Оренбург, 1972. № 21. С.34-43.
5. Белицкая З., Преображенская Л. Памятники – наше прошлое и будущее. Новотроицк, Б.и., 1978. 7 с.
6. Вагаева А. Дорогами мира и дружбы // Российская провинция. Бузулук, 2012. 24 мая. С. 10.
7. Вагаева А. За общей победой // Российская провинция. 2013. 5 февр. С. 1, 3.
8. Вагаева А. Семьдесят лет спустя // Российская провинция. 2011. 8 нояб. С. 1, 2.
9. Великороднова А. В. Система отбывания наказания на Южном Урале после революции 1917 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 4 (38). С. 96–102.
10. Герасименко Л. С. Жертвы сталинских репрессий // История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути решения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. Вып. 3. С. 48–50.
11. Добрая традиция комсомольцев // Блокнот агитатора. Оренбург, 1966. № 14. С. 32-33.
12. Дубинина Е. Бузулук в годы репрессий // Вестник студенческого научного общества ОГПУ : сб. науч. ст. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006. Вып. 4. Исторические науки. Философия. Теория и история культуры. Иностранные языки. С. 38–41.
13. Идрисова Э. С. Военнопленные Первой мировой войны в Оренбургской губернии в 1914–1917 гг. // Современные факторы повышения качества профессионального образования : материалы XXVIII препод. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. Т. 5. С. 259–272.
14. Кирбятъев С. Истории свидетели живые. О Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры // Блокнот агитатора. Оренбург, 1972. № 8. С. 49-50.
15. Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Оренбург : Печатный дом «Димур», 2010. 360 с.
16. Колычев С. Вспоминая прошлое, думай о будущем // Наш Бузулук. 2012. 23 мая. С. 15.
17. Машкова Н. Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 179 с.
18. Михайлов А. Смерч репрессий // Региональная науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов : сб. материалов. Оренбург : РИК ГОУ ОГУ, 2003. С. 78–79.
19. Мотревич В. П. Благоустройство мест захоронений военнопленных и интернированных на Урале в 1995–2009 гг. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. Вып. 11. С. 193–201.
20. Мотревич В. П. Захоронения военнопленных Второй мировой войны на территории Оренбургской области // СССР во Второй мировой войне: третьи Всерос. историко-краевед. чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. С. 177–183.
21. Мотревич В. П. Иностранцы граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург: Б.и., 1995. С. 97–101.
22. Мотревич В. П. О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области // Ценности и идеология в современной России : тез. докл. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1996. С. 86–89.
23. Мотревич В. П. Погибли на Урале // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 210-212.
24. Мотревич В. П. Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 469–471.
25. Назина, Т. Поляки в Бузулуке: братская могила стала именной // Южный Урал. 2007. 28 авг. С. 3.
26. Память и гордость поколений. Из опыта работы первичной организации Оренбургского сельскохозяйственного института / сост. И. А. Фахретдинов. Оренбург : Южный Урал, 1982. 87 с.
27. Рожкова Е. К. Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002. 26 с.
28. Садовникова В. Оживают страницы истории // Блокнот агитатора. Оренбург, 1972. № 24. С. 47-49.
29. Саратовова, С. Польская делегация в Бузулуке // Наш Бузулук. 2011. 9 нояб. С. 3.
30. С визитом – из Польши // Вести от партнера (Бузулук). 2011. 9 нояб. С. 2.
31. Семенов В. Г., Ягудин И. Р. Военнопленные на территории Казанского военного округа и Оренбургской губернии на начальном этапе Первой мировой войны (по приказам по Казанскому военному округу за

- 1914–1915 гг.) // Евразийское ожерелье : альманах общественного ин-та истории народов Оренбуржья им. М. Джалиля. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. Вып. 6. С. 91–110.
32. Сипакова Е. А. Деятельность Ново-Троицкого лагеря для военнопленных № 235 в Чкаловской области // Аспирант, или Молодое поколение ученых о... : альманах. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. Вып. 6. С. 104–107.
  33. Сипакова Е. А. Иностранцы военнопленные на Южном Урале (1941–1953 гг.) // Научное наследие М. В. Ломоносова в подготовке современного учителя : XXI науч.-практ. конф. преподавателей и аспирантов ОГПУ. Оренбург, 2012. С. 71–75.
  34. Скутин И. Имени Ленина // Блокнот агитатора. Оренбург, 1969. № 4. С. 26.
  35. Скутин И. Имя Ленина на карте области // Блокнот агитатора. Оренбург, 1969. № 9. С. 22–24.
  36. Слива А. Важное средство воспитания // Блокнот агитатора. Оренбург, 1972. № 6. С. 21–26.
  37. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 368 с.
  38. Смыкалин А. С. «Особые лагеря» и «Особые тюрьмы» в системе исправительно-трудовых учреждений Советского государства в 30–40-е годы // Государство и право. 1997. № 5. С.84–91.
  39. Смыкалин А. С. Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С.78–83.
  40. Стоит памятник в Сорочинске // Блокнот агитатора. Оренбург, 1966. № 9. С. 49–50.
  41. Тугай Т. И. Увековечение революционного прошлого в Оренбурге в 1920–1930-е годы // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования : сб. статей. Оренбург, 2011. Вып. 5. С. 46–51.
  42. Федорова А. В. Военнопленные вражеских армий на Южном Урале (на примере Оренбургской области) // Роль Урала как арсенала Победы: тез. докл. регион. науч. конф. Челябинск, 2000. С. 62–67.
  43. Федорова А. В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность : сб. науч. тр. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 1994. С. 47–50.
  44. Федорова А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Кн. изд-во, 1995. 211 с.
  45. Филимонова Т. С почтением к памяти польских солдат обратились их соотечественники и местные жители // Авангард (Тоцкий район). 2011. 19 нояб. С. 4.
  46. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 1697. Оп. 12. Д. 10.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Avtor pamyatnika – Veniamin Pinchuk // Bloknot agitatora. Orenburg, 1969. № 2. S. 41–42.
2. Anan'ev V. I. Orenburgskii voenno-revoljucionnyi komitet. Orenburg: Orenb. kn. izd-vo, 1959. 52 s.
3. Anan'ev V. I. V bor'be rozhdennoe bratstvo. Chelyabinsk : Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1966. 128 s.
4. Anan'ev V. I. Inostrannye Sovety v Orenburge // Bloknot agitatora. Orenburg, 1972. № 21. S.34–43.
5. Belitskaya Z., Preobrazhenskaya L. Pamyatniki – nashe proshloe i budushchee. Novotroitsk, B.i., 1978. 7 s.
6. Vagaeva A. Dorogami mira i druzhby // Rossiiskaya provintsija. Buzuluk, 2012. 24 maya. S. 10.
7. Vagaeva A. Za obshchei pobedoi // Rossiiskaya provintsija. 2013. 5 fevr. S. 1, 3.
8. Vagaeva A. Sem'desyat let spustya // Rossiiskaya provintsija. 2011. 8 noyab. S. 1, 2.
9. Velikorodnova A. V. Sistema otbyvaniya nakazaniya na Yuzhnom Urale posle revolyutsii 1917 g. // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2004. № 4 (38). S. 96–102.
10. Gerasimenko L. S. Zhertvy stalinskikh repressii // Istoriya Otechestva na rubezhe vekov: opyt, problemy, puti resheniya : materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2008. Vyp. 3. S. 48–50.
11. Dobraya traditsiya komsomol'tsev // Bloknot agitatora. Orenburg, 1966. № 14. S. 32–33.
12. Dubinina E. Buzuluk v gody repressii // Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva OGPU : sb. nauch. st. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2006. Vyp. 4. Istoricheskie nauki. Filosofiya. Teoriya i istoriya kul'tury. Inostrannye yazyki. S. 38–41.
13. Idrisova E. S. Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Orenburgskoi gubernii v 1914–1917 gg. // Sovremennyye faktory povysheniya kachestva professional'nogo obrazovaniya : materialy XXVIII prepod. nauch.-prakt. konf. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2007. T. 5. S. 259–272.
14. Kirbyat'ev S. Istории svideteli zhivye. O Vserossiiskom obshchestve okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury // Bloknot agitatora. Orenburg, 1972. № 8. S. 49–50.
15. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii v Orenburgskoi oblasti. Orenburg : Pechatnyi dom «Dimur», 2010. 360 s.
16. Kolychev S. Vspominaya proshloe, dumai o budushchem // Nash Buzuluk. 2012. 23 maya. S. 15.

17. Mashkova N. N. Mobilizatsiya lyudskikh i material'nykh resursov na Yuzhnom Urale v usloviyakh voyny (1914–1917 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2004. 179 s.
18. Mikhailov A. Smerch repressii // Regional'naya nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh i spetsialistov : sb. materialov. Orenburg : RIK GOU OGU, 2003. S. 78–79.
19. Motrevich V. P. Blagoustroystvo mest zakhoroneni voennoplennykh i internirovannykh na Urale v 1995–2009 gg. // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost' : sb. nauch. tr. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2010. Vyp. 11. S. 193–201.
20. Motrevich V. P. Zakhoroneniya voennoplennykh Vtoroi mirovoi voyny na territorii Orenburgskoi oblasti // SSSR vo Vtoroi mirovoi voine: tret'i Vseros. istoriko-kraeved. chteniya pamyati professora P. E. Matvievskogo. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2012. S. 177–183.
21. Motrevich V. P. Inostrannye grazhdane na Urale v 40-e gody // Ural v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941–1945 gg. Ekaterinburg: B.i., 1995. S. 97–101.
22. Motrevich V. P. O rezul'tatakh eksyumatsii yaponskikh voennoplennykh na kladbishche spetsgospitalya 2929 MVD SSSR v g. Nizhnii Tagil Sverdlovskoi oblasti // Tsennosti i ideologiya v sovremennoi Rossii : tez. dokl. Ekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 1996. S. 86–89.
23. Motrevich V. P. Pogibli na Urale // Arkhivy Urala. 1996. № 1. S. 210–212.
24. Motrevich V. P. Eksyumatsiya ostankov yaponskikh voennoplennykh v Orenburgskoi oblasti // Ural v proshlom i nastoyashchem. Ekaterinburg, 1998. Ch. 1. S. 469–471.
25. Nazina, T. Polyaki v Buzuluke: bratskaya mogila stala imennoi // Yuzhnyi Ural. 2007. 28 avg. S. 3.
26. Pamyat' i gordost' pokolenii. Iz opyta raboty pervichnoi organizatsii Orenburgskogo sel'skokhozyaistvennogo instituta / sost. I. A. Fakhretdinov. Orenburg : Yuzhnyi Ural, 1982. 87 s.
27. Rozhkova E. K. Inostrannye voennoplennyye i internirovannyye na Yuzhnom Urale v 1943–1950 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2002. 26 s.
28. Sadovnikova V. Ozhivayut stranitsy istorii // Bloknot agitatora. Orenburg, 1972. № 24. S. 47–49.
29. Saratova, S. Pol'skaya delegatsiya v Buzuluke // Nash Buzuluk. 2011. 9 noyab. S. 3.
30. S vizitom – iz Pol'shi // Vesti ot partnera (Buzuluk). 2011. 9 noyab. S. 2.
31. Semenov V. G., Yagudin I. R. Voennoplennyye na territorii Kazanskogo voennogo okruga i Orenburgskoi gubernii na nachal'nom etape Pervoi mirovoi voyny (po prikazam po Kazanskomu voennomu okrugu za 1914–1915 gg.) // Evraziiskoe ozherel'e : al'manakh obshchestvennogo in-ta istorii narodov Orenburzh'ya im. M. Dzhallilya. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2005. Vyp. 6. S. 91–110.
32. Sipakova E. A. Deyatel'nost' Novo-Troitskogo lagerya dlya voennoplennykh № 235 v Chkalovskoi oblasti // Aspirant, ili Molodoe pokolenie uchenykh o... : al'manakh. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2011. Vyp. 6. S. 104–107.
33. Sipakova E. A. Inostrannye voennoplennyye na Yuzhnom Urale (1941–1953 gg.) // Nauchnoe nasledie M. V. Lomonosova v podgotovke sovremennogo uchitelya : XXI nauch.-prakt. konf. prepodavatelei i aspirantov OGPU. Orenburg, 2012. S. 71–75.
34. Skutin I. Imeni Lenina // Bloknot agitatora. Orenburg, 1969. № 4. S. 26.
35. Skutin I. Imya Lenina na karte oblasti // Bloknot agitatora. Orenburg, 1969. № 9. S. 22–24.
36. Sliva A. Vazhnoe sredstvo vospitaniya // Bloknot agitatora. Orenburg, 1972. № 6. S. 21–26.
37. Smykalin A. S. Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii. Ekaterinburg: Izd-vo UrGYuA, 1997. 368 s.
38. Smykalin A. S. «Osobyje lagerya» i «Osobyje tyur'my» v sisteme ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii Sovetskogo gosudarstva v 30–40-e gody // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 5. S.84–91.
39. Smykalin A. S. Penitentsiarnaya sistema strany v gody Velikoi Otechestvennoi voyny // Ural v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. Ekaterinburg, 1995. S.78–83.
40. Stoit pamyatnik v Sorochinske // Bloknot agitatora. Orenburg, 1966. № 9. S. 49–50.
41. Tugai T. I. Uvekovechenie revolyutsionnogo proshlogo v Orenburge v 1920–1930-e gody // Orenburgskii kraj. Arkhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya : sb. statei. Orenburg, 2011. Vyp. 5. S. 46–51.
42. Fedorova A. V. Voennoplennyye vrazheskikh armii na Yuzhnom Urale (na primere Orenburgskoi oblasti) // Rol' Urala kak arsenala Pobedy: tez. dokl. region. nauch. konf. Chelyabinsk, 2000. S. 62–67.
43. Fedorova A. V. Inostrantsy na Yuzhnom Urale v gody Vtoroi mirovoi voyny i otnoshenie k nim mestnogo naseleniya // Istoriya Orenburgskogo kraja: sobytiya, sud'by, real'nost' : sb. nauch. tr. Orenburg : Orenb. kn. izd-vo, 1994. S. 47–50.
44. Fedorova A. V. Orenburg v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Orenburg: Kn. izd-vo, 1995. 211 s.
45. Filimonova T. S pochteniem k pamyati pol'skikh soldat obratilis' ikh sootchestvenniki i mestnye zhiteli // Avangard (Totskii raion). 2011. 19 noyab. S. 4.
46. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Orenburgskoi oblasti. F. 1697. Op. 12. D. 10.